

Кемулари Лаврентий Амиранович

СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В АВГУСТЕ-СЕНТЯБРЕ 1945 Г. В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

В статье выполнен историографический анализ современной отечественной литературы по проблеме определения места дальневосточной кампании Красной Армии в контексте Великой Отечественной войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 83-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

THE USA FOREIGN POLICY COURSE IN SOVIET DIRECTION IN 1969-1980: POLITICAL-LEGAL BASES**Tat'yana Vladislavovna Kashirina***Department of State-Legal Disciplines**All-Russian State Tax Academy of Ministry of Finance of Russia**Kashirina73@mail.ru*

The article considers the political-legal bases of the American-Soviet relationships in 1969-1980. Special attention is paid to the USA foreign policy doctrines such as the doctrines of "flexible response", "sufficiency", "initiative", "trilateralism" and "strategic defense initiative" brought forward during the rule of the Presidents R. Nixon, J. Carter and R. Reagan. Special attention is paid to P. Nitze's theory of "vulnerability window" who was the member of the American delegation during the negotiations with the USSR concerning strategic arms limitation (SAL-1).

Key words and phrases: Soviet-American relationships; foreign policy doctrines; "sufficiency" conception; "initiative" strategy; "Carter's doctrine"; "strategic defense initiative"; nuclear deterrence.

УДК 93/94

В статье выполнен историографический анализ современной отечественной литературы по проблеме определения места дальневосточной кампании Красной Армии в контексте Великой Отечественной войны.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; война СССР против Японии; современная отечественная историография.

Лаврентий Амиранович Кемуллария, к.и.н., доцент*Кафедра истории и политологии**Воронежская государственная технологическая академия**marselles2006@mail.ru***СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В АВГУСТЕ-СЕНТЯБРЕ 1945 Г.
В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)[©]**

Статья выполнена по государственному контракту П-313 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд от 28 июля 2009 г.

Безусловная фрагментарность феномена исторической памяти того или иного этноса отнюдь не исключает возможность выделения своеобразного скелета, обрастающего мозаикой фактов и легендой. В этой связи особое место принадлежит пласту военного прошлого. В нашем случае - истории Великой Отечественной войны с попытками определения статуса ее различных этапов.

Достаточно неоднозначно в современной литературе оценивается место дальневосточной кампании Красной Армии в контексте Великой Отечественной войны.

В этой связи в историографическом исследовании М. И. Мельтюхова отмечено, что до середины 60-х годов в литературе события на Дальнем Востоке позиционировались как составная часть Великой Отечественной войны, а позднее появилось мнение о войне с Японией как логическом продолжении глобального противостояния в 1941-1945 гг. К сожалению, сам автор не озвучивает собственной позиции, если не считать достаточно двусмысленного тезиса о возможности выделить в периодизации Второй мировой войны «в качестве отдельного периода май-сентябрь 1945 г.» в случае, когда в основу положена периодизация Великой Отечественной войны [4, с. 156-158]. Ведь из тезиса М. И. Мельтюхова может следовать и то, что начавшаяся в августе 1945 г. война с Японией не имеет отношения к Великой Отечественной войне, и то, что это ее новый этап.

Более категоричны в своих суждениях С. А. Тюшкевич и В. А. Гаврилов, отрицающие, что «война СССР против Японии была частью Великой Отечественной войны». Для подобной безапелляционности, на наш взгляд, аргумента о «вынужденной» войне против Германии и «сознательной» против Японии явно недостаточно. Причем авторы настаивают на преднамеренном характере определения войны с Японией как отечественной для обоснования ее справедливости [8, с. 86, 89].

В значительной степени тезис о справедливости войны был подкреплен, по замечанию А. Н. Сахарова, идеологией «геополитического реванша», прозвучавшей в программных заявлениях советских лидеров - И. В. Сталина, В. М. Молотова, комментировавших итоги Советско-японской войны [6, с. 30-31]. Скорее всего, аналогичными соображениями руководствовался и А. А. Кошкин, обосновывающий факт вступления СССР в войну с Японией государственными интересами [3, с. 27].

Абсолютно противоположна позиция В. Э. Молодякова, не видящего никакого смысла в войне на Тихом океане для Советского Союза и, видимо, считающего справедливым определение, бытующее в японской историографии при характеристике поведения СССР, - «вор на пожаре». Исходя из своей концепции, автор критически относится к негативной реакции Москвы на дипломатические попытки Токио в 1944-1945 гг. заручиться поддержкой СССР обещаниями определенных геополитических уступок [5, с. 350].

На наш взгляд, за маневрами японской дипломатии стояло исключительно желание расколоть единый фронт союзников. К тому же, если бы Москва пошла на отдельные переговоры с Токио как при победе союзников (без участия СССР), так и в случае их поражения (маловероятно), никаких дивидендов Советскому Союзу это не приносило.

Для К. Е. Черевко участие СССР в войне на Тихом океане - это, прежде всего, результат меняющейся не в лучшую сторону геополитической ситуации в мире. Фактор атомного оружия и как следствие ослабление интереса со стороны новой Вашингтонской администрации к участию Красной армии в конфликте с Японией заставили Москву, по мнению автора, форсировать военную акцию в регионе [9, с. 228].

Непосредственная подготовка к наступательной операции на Дальнем Востоке, считает А. Александров, начинается в июне 1945 г. Связано это было как с назначением персонального состава главнокомандования дальневосточной группировки и командования трех фронтов, которые должны были участвовать в операции, так и с началом масштабной передислокации частей Красной армии с Запада на Восток [1, с. 106-118, 131-136].

Всего, по данным К. Е. Черевко, к 9 августа 1945 г. (к началу кампании) соотношение советской и японской группировок было следующим: в живой силе - 1,5 к 1; в орудиях и минометах - 4,5 к 1; в танках и самоходных орудиях - 4,3 к 1; в боевых самолетах - 2,7 к 1. Причем превосходство советской группировки над противником многократно увеличивалось, как справедливо отмечено автором, за счет концентрации войск на направлении главного удара: в большей степени для Забайкальского, в меньшей - для 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов [9, с. 295, 323-325].

Отмеченное доминирование Забайкальского фронта отвечало стратегическим замыслам советского командования. В этой связи А. В. Шишов констатирует, что именно Забайкальский фронт, прежде всего, силами 6-й танковой армии наносил главный удар через хребет Большого Хингана с последующим захватом Маньчжурии. Действия 1-го Дальневосточного фронта в направлении города Гирин и 2-го Дальневосточного в Приамурье носили вспомогательный характер [10, с. 544].

При интерпретации боевых действий на направлении главного удара А. Александров и А. В. Шишов уделяют значительное место событиям 11 августа 1945 г., когда соединения 6-ой танковой армии, несмотря на упорное сопротивление противника, переходят Большой Хинган, обеспечив себе оперативный простор в Маньчжурии [1, с. 550].

В определенной степени диссонирует с доминирующей концепцией мнение А. А. Кириченко, который, отмечая высокий уровень готовности и оснащенности советских войск и «почти полное отсутствие японских танков и авиации», считает, что наступающей группировке в глубь Маньчжурии удалось проникнуть почти беспрепятственно [2, с. 55].

Указывая на более медленные темпы наступления на участке 1-го Дальневосточного фронта, К. Е. Черевко и А. В. Шишов объясняют ситуацию наличием мощных укреплений у противника, а также упорством японцев, сражавшихся с мужеством «обреченных» [9, с. 551-552]. В то же время определенная разница в темпах наступления может быть объяснена общим превосходством Забайкальского фронта в живой силе и технике, а также недооцененной со стороны японских военных возможности наступления через Большой Хинган. В контексте последующих событий в литературе значительное место принадлежит интерпретации событий, связанных с реакцией советского руководства на заявление японского императора о признании условий Потсдамской конференции о безоговорочной капитуляции.

А. Александров, комментируя заявление Генштаба Красной армии о продолжении наступления на Дальнем Востоке, отмечает, что де-факто японская группировка продолжала сопротивление и после заявления императора [1, с. 243-245]. Аналогичная позиция Б. Н. Славинского и А. В. Шишова [7, с. 448; 10, с. 562]. Иная версия предложена К. Е. Черевко, который усматривает в нежелании А. М. Василевского (главнокомандующий советской группировки) подписывать акт о немедленной капитуляции стремление «фактически расширить зону, которая оказалась бы под контролем СССР» [9, с. 304-305].

Достаточно трудно выделить как единственно верную какую-либо из предложенных версий. Хотелось бы при этом отметить, что вряд ли Главком без соответствующей санкции из Москвы мог взять на себя ответственность за принятие столь судьбоносного решения. Однако не вызывает сомнений, что по мере продолжения боевых действий на первый план все больше выдвигались проблемы послевоенного территориального переустройства в регионе. Особенно остро это касалось комплекса вопросов, связанных с так называемыми «северными территориями» Южного Сахалина, Курильских островов и частично о. Хоккайдо.

Впервые в объединенном контексте возможные притязания СССР в адрес этих территорий были отражены, по замечанию Б. Н. Славинского, в июле 1944 г. в докладе советского посла Я. А. Малика наркому В. М. Молотову. Констатируя неизбежность поражения Японии в войне, советский дипломат обращает внимание на вопросы, которые неизбежно возникнут в этой связи: Южный Сахалин, Курилы, возможная оккупация 6 крупных городов Японии [5, с. 282-283].

Претензии СССР на послевоенное территориальное переустройство рассмотрены и К. Е. Черевко в контексте Ялтинской конференции 1945 г. Основой оппозиции со стороны союзников в этой связи, отмечает

автор, становится тезис о неправомерности претензий Москвы на Курилы, которые «целиком никогда не принадлежали России». Именно поэтому, справедливо считает К. Е. Черевко, в секретном соглашении по итогам Ялтинской конференции вопрос о Курилах был выделен «в отдельный пункт в качестве территории, которая не возвращается, а передается Советскому Союзу» [9, с. 251].

Давая оценку военным аспектам операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов, А. Александров акцентирует внимание на ее стратегической зависимости от общего хода наступления. Справедливо подчеркнута в этой связи, что соединения 2-го Дальневосточного фронта приступили к ее осуществлению, когда операции на территории Маньчжурии приближались к завершению (17 августа 1945 г.) [1, с. 248-249].

К. Е. Черевко расширяет хронологические рамки операции на Южном Сахалине, отмечая, что они длились с 9 по 25 августа, завершившись взятием городов Маока (Холмск), Хоито (Невельск) и Отомари (Корсаков) [9, с. 310]. 25 августа как день завершения сахалинской операции выделен и А. В. Шишовым. Особое внимание в этой связи уделяется десантным операциям Тихоокеанского флота, предрешившим судьбу острова [10, с. 558]. Курильская десантная операция, по версии А. В. Шишова, началась не 17, а 18 августа, что, наверное, в большей степени соответствует действительности. Также привлекательной выглядит попытка разделить ее на два этапа: первый - с 18 по 25 августа (боевые действия на северных Курилах); второй - с 23 августа по 3 сентября (боевые действия на Южных Курилах) [Там же, с. 566-567].

Уместность такой дифференциации, на наш взгляд, определяется не только разными сроками ее проведения соединениями Тихоокеанского флота и 2-го Дальневосточного фронта, а, прежде всего, дипломатическими коллизиями, возникшими между союзниками по Большой Тройке вокруг проблемы южнокурильских островов. Впервые разночтения в политике союзников по вопросу южнокурильских островов позиционируются К. Е. Черевко во временном промежутке между 12 и 14 августа 1945 г., когда корабли ВМФ США, вопреки Потсдамским договоренностям, начали обстрел острова Парамушир, имея целью подготовиться «в соответствующее время» к оккупации зоны боевых действий [9, с. 310-311]. Примечательно, что, пытаясь ограничить советскую зону оккупации исключительно Северными Курилами, Вашингтон фактически следовал в фарватере дипломатических усилий Токио, не согласившегося, даже в условиях неизбежного поражения в войне, уступить Южные Курилы СССР [5, с. 278-279].

Объяснение столь жесткого сопротивления планам Москвы по Южным Курилам К. Е. Черевко находит в принципах административного деления довоенной Японии, когда острова входили в префектуру Хоккайдо. К тому же, считает автор, эти острова можно было отторгнуть у Японии «лишь как меру наказания за агрессию, а не как исконные русские территории, каковыми они не являются» [9, с. 310, 315].

Безусловно, по Симодскому договору 1855 г. и Эдоской конвенции 1867 г. сначала южная часть Курил, а затем и все острова были переданы Японии. Однако в 1945 г. за действиями Красной Армии стояли решения Потсдамской конференции, где все острова, без учета каких-либо принципов административного деления, принятых в довоенной Японии, передавались Советскому Союзу.

Отличается у К. Е. Черевко интерпретация боевых действий на севере и на юге Курильских островов. В частности, отмечая ожесточенность сопротивления японцев во время боев на северокурильских островах Шумшу и Парамушир, автор считает, что жертв можно было бы избежать в случае предварительных переговоров с командованием местных гарнизонов [Там же, с. 312-313]. Особое внимание боевым действиям на островах Шумшу и Парамушир уделяет и А. В. Шишов. Причиной «кровавопролитных боев», по его мнению, стало наличие многочисленного воинского контингента (более дивизии), использующего мощную систему укреплений. С капитуляцией 23 августа 1945 г. гарнизона на о. Шумшу боевые действия на Курильских островах прекратились, т.к. операция по овладению Южными Курилами (28 августа - 5 сентября) не вызвала сопротивления противника [10, с. 566-567].

Проблема о. Хоккайдо впервые, хотя и в завуалированной форме, была отражена, по мнению В. Э. Молодякова, в докладной записке советского посла в Японии от 21 июля 1944 г. Примечательно, что позднее, в августе-сентябре 1945 г., она была повторена в аргументации И. В. Сталина, обосновавшего свои претензии на остров необходимостью восстановления исторической справедливости и престижа Советского Союза. Планы Кремля не были претворены в жизнь из-за «неприкрытой решимости Трумэна» [5, с. 283].

По А. В. Шишову проблема с о. Хоккайдо была уже переведена Советским Союзом в плоскость «подготовленной крупной десантной операции», от которой пришлось отказаться из-за нежелания И. В. Сталина «обострять внешнеполитическую обстановку на Дальнем Востоке» [10, с. 568].

К. Е. Черевко обращает внимание на то обстоятельство, что вопрос об оккупации о. Хоккайдо обсуждался высшим военно-политическим руководством страны еще 26-27 июня 1945 г. Признавая наличие соответствующего приказа о подготовке оккупации этого района, среди причин, вынудивших отказаться от практического его выполнения, кроме традиционной - сопротивление США, приводится версия о своеобразном обмене между Москвой и Вашингтоном - Хоккайдо на Южные Курилы [9, с. 312]. При оценке значения советского военного участия в войне с Японией, А. А. Кошкин безоговорочно настаивает на том, что «...быстрое окончание войны было возможно лишь при вступлении в нее вооруженных сил СССР» [3, с. 25].

А. В. Шишов, обращая внимание на успехи советской дальневосточной группировки, отмечает полное истощение военно-экономического потенциала Японии [10, с. 569]. В этом с ним солидаризируется К. Е. Черевко, также отмечающий «значительный урон в живой силе и технике, ставший результатом

советского наступления» [9, с. 528]. Для В. Э. Молодякова вступление СССР в войну с Японией становится главной причиной, «ускорившей капитуляцию» [5, с. 314].

В то же время новации современной историографии отнюдь не ставят под сомнение традиционные положения, сложившиеся в науке. Их смысл заключался в геополитической предопределенности военного конфликта между Советским Союзом и Японией на исходе Второй мировой войны. И независимо от того, насколько значимо было участие РККА в августовских событиях на Дальнем Востоке, именно захват Южных Курил и Южного Сахалина нашей армией предопределил последующий статус территорий.

Список литературы

1. Александров А. Великая победа на Дальнем Востоке. Август 1945 г.: от Забайкалья до Кореи. М.: Вече, 2004.
2. Кириченко А. А. «Нюансы» Маньчжурского блицкрига // Знакомьтесь - Япония. 2001. № 31.
3. Кошкин А. А. Вступление СССР в войну с Японией // Новая и новейшая история. 1995. № 4.
4. Мельтюхов М. И. Проблемы периодизации истории Второй мировой войны // Вопросы истории. 2003. № 1.
5. Молодяков В. Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений: 1929-1948. М.: АСТ: Астрель; Транзитинга, 2005.
6. Сахаров А. Н. Война и советская дипломатия: 1939-1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7.
7. Славинский Б. Н. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история: 1937-1945. М., 1998.
8. Тюшкевич С. А., Гаврилов В. А. Можно ли считать Советско-японскую войну 1945 г. частью Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1.
9. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003.
10. Шишов А. В. Россия и Япония: история военных конфликтов. М.: Вече, 2001.

DEVELOPMENTS IN FAR EAST IN AUGUST-SEPTEMBER OF 1945 IN THE CONTEXT OF GREAT PATRIOTIC WAR (PROBLEM HISTORIOGRAPHY)

Lavrentii Amiranovich Kemulariya, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
Voronezh State Technological Academy
marselles2006@mail.ru

The article presents the historiographic analysis of modern native literature concerning the problem of determining the place of Red Army Far Eastern Campaign in the context of Great Patriotic War.

Key words and phrases: Great Patriotic War; USSR war against Japan; modern native historiography.

УДК 008:574.007.2

Статья раскрывает содержание понятия «аксиологические аспекты» и их роль в экологическом образовании инженера. Основное внимание в работе автор акцентирует на развитии инженерной деятельности, включающей в себя новые ориентации и ценности, выдвигении на первый план проблемы нравственности и социальной ответственности инженера перед обществом и природой. Обосновывается целесообразность, выявляются критерии оценки созданной техники и технологии.

Ключевые слова и фразы: экологические знания; экологические ценности; нравственные ценности; ценность природы; ценность техники; ценность технологии; ответственность; нормы поведения инженера; оценка техники.

Валентина Анатольевна Козловская, к. филос. н., доцент
Кафедра философии и социальных наук
Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева
valentina-fil@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНЖЕНЕРА[©]

Образование сегодня относится к сфере общенациональных стратегических интересов России. Данное положение обуславливается тем, что основные технические потребности общества удовлетворяются посредством, прежде всего, инженерной деятельности, которая охватывает всю систему операций по созданию новой техники и технологии (от исследования и конструирования до разработки технологии, изготовления, доведения до потребителя и обеспечения эксплуатации).

Деятельность инженера является не только одной из определяющих сфер в материальном производстве, но и имеет непосредственное отношение к предельным основаниям человеческого бытия. Ее значение